

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-215-225

© М. А. Фролов

Н. К. ГУДЗИЙ О И. А. БУНИНЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА И ПЕРЕПИСКИ УЧЕНОГО)*

Тема, давшая название предлагаемой вниманию читателей статье, при знакомстве с библиографией печатных трудов литературоведа Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) представляется далеко не очевидной. При жизни И. А. Бунина их имена пересекались лишь однажды и достаточно случайно (лично они знакомы не были, в переписке не состояли). Осенью 1918 года, в первом номере журнала «Родная земля», вышедшем в Киеве, были опубликованы два бунинских стихотворения — «В дачном кресле, ночью, на балконе...», «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», а также рассказ «Конец». В критико-библиографическом отделе того же номера увидели свет две рецензии Гудзия — на второй том редактируемой М. О. Гершензоном серии «Русские пропилеи» и книгу А. С. Пругавина «Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий». По всей видимости, ученый был хорошо знаком с редакторами журнала, Д. М. Одинцом и А. К. Елачиным, поскольку в сентябре 1918 года М. А. Волошин в переписке именно с Гудзием интересовался судьбой своей поэмы «Протопоп Аввакум», которая вскоре была опубликована в том же номере «Родной земли». ¹ В списке «лиц, сообщивших о своем согласии участвовать в журнале», опубликованном в конце издания, имена Бунина и Гудзия были упомянуты на соседних строчках.

Вместе с тем, как выясняется при изучении неопубликованной части научного и эпистолярного наследия Гудзия, он всю жизнь хранил краткие, но дорогие его сердцу книжника и на редкость восприимчивого читателя воспоминания о Бунине, продолжал размышлять о его истинной роли и подлинном масштабе в истории русской литературы. В конце 1961 года он избрал его творчество в качестве предмета своей так и не увидевшей свет работы. Предположительно, она предназначалась для журнала «Вопросы литературы», с которым Гудзий сотрудничал как автор с момента его возникновения. Обратимся к предыстории появления «бунинской» темы в наследии Гудзия.

В ноябре–декабре 1955 года ученый совершил поездку в Англию и Шотландию, посетил города Глазго, Лондон, Эдинбург, Кэмбридж, Бирмингем, Стредфорд, Оксфорд, познакомился с тем, как организована система высшего образования в университетах этих городов, общался с коллегами, выступал с лекциями. Именно в Эдинбурге в ноябре 1955 года состоялось его знакомство с писателем, а впоследствии душеприказчиком И. А. и В. Н. Буниных Леонидом Федоровичем Зуровым (1902–1971), которого представил Гудзию Дэннис Уорд (1924–2008), доцент Русского отделения Эдинбургского университета и, что немаловажно, учитывая сферу научных интересов Гудзия, — автор обратившего на себя внимание специалистов перевода «Слова о полку Игореве» на английский язык, напечатанного в том же 1955 году. Гудзий записал в дневнике 8 ноября: «Беседа с доцентом русского языка и литературы, истории D. Ward <...> Тут же познакомили меня с писателем Л. Ф. Зуровым, видимо, эмигрантом, живущим в Париже». После знакомства Зуров присутствовал на лекции Гудзия

* За возможность познакомиться с письмами Н. К. Гудзия и копиями писем к нему из собрания Русского архива в г. Лидсе, Великобритания (РАЛ), а также за разрешение опубликовать их вместе с материалами В. Н. Буниной и Л. Ф. Зурова из личного архивного фонда Гудзия (Отдел рукописей РГБ, ф. 731) я считаю своим приятным долгом сердечно поблагодарить Ричарда Д. Дэвиса, куратора Русского архива (Special Collections, Leeds University Library). За советы и уточнения, касающиеся вопросов текстологии произведений И. А. Бунина, приношу благодарность С. Н. Морозову. За ценные замечания, касающиеся интерпретации публикуемых текстов, выражаю искреннюю признательность А. В. Лаврову. Тексты В. Н. Буниной и Л. Ф. Зурова печатаются с разрешения The Vera Bunina Estate и The Leonid Zurov Estate.

¹ Волошин М. Собр. соч. М., 2013. Т. 12. Письма 1918–1924 / Сост. А. В. Лаврова; подг. текста Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой; комм. А. В. Лаврова, Г. В. Петровой. С. 174–175.

о Л. Н. Толстом, а затем 10 ноября посетил выступление ученого, посвященное древнерусской литературе.²

31 августа 1958 года Зуров, желая продолжить общение с Гудзием, отправил ему открытку, предельно лаконичную по содержанию: «Привет из Шотландии».³ Эта первая «реплика» в их эпистолярном диалоге осталась без ответа Гудзия. Осенью 1958 года, а именно 21 октября, от Зурова пришло еще одно письмо: в нем упоминается Дэннис Уорд (Зуров назвал его в русской манере «Денис Фомич»), который, вернувшись с IV Международного съезда славистов, проходившего в Москве с 1 по 10 сентября, по видимому, рассказал о встрече с Гудзием и его докладе «Литература Киевской Руси и другие инославянские литературы». Также в письме мы находим упоминание о М. Э. Грин, коллеге Уорда по Эдинбургскому университету и близкой знакомой Зурова, впоследствии активно занимавшейся изучением и публикацией бунинского наследия: «Денис Фомич, вернувшись с конгресса славистов, рассказывал о встрече с Вами. Очень меня огорчило известие о болезни Вашей жены. От всей души желаю ей здоровья, а Вам бодрости, сил и плодотворной работы. Радует меня (сужу по письмам друзей), что конгресс славистов прошел с большим успехом. Денис Фомич и Милица Эдуардовна шлют Вам сердечный привет <...> Р. С. Через 3 дня я уезжаю в Париж. Привет из суровой Шотландии».⁴

Мы подробно остановились на обстоятельствах общения Гудзия с Зуровым, поскольку именно ему ученый обязан заочным знакомством с вдовой Бунина, переводчицей, мемуаристкой Верой Николаевной Буниной (1881–1961). В декабре 1958 года она прислала в подарок Гудзию свою книгу «Жизнь Бунина», незадолго до того вышедшую в Париже. Тронутый подарком и оказанным ему вниманием, ученый откликнулся 3 января 1959 года:

«Москва
3/1 1959

Глубокоуважаемая
Вера Николаевна!

Вернувшись после месячного отсутствия в Москве из Чехословакии, я получил вчера из Академии наук посланную Вами для меня Вашу книгу „Жизнь Бунина“.

Позвольте принести Вам мою сердечную благодарность за ценнейший подарок. Ваша книга настолько значительна по содержанию, настолько богата первоклассным биографическим материалом о замечательном, большом русском писателе, что навсегда останется первостепенным источником для изучения жизни и творчества Ивана Алексеевича. К большому моему сожалению, я лично не был знаком с Иваном Алексеевичем, но, живя в Киеве, в мой приезд в Москву, в 1916 г. я слушал чтение им его прекрасного рассказа „Петлистые уши“.

Честь и слава Вам за то, что Вы с таким искусством, с такой тщательностью и любовью собрали и опубликовали такой незаурядный по своему качеству материал. То, что Вы сами написали, написано прекрасным русским языком, который одобрил бы такой мастер языка, каким был Иван Алексеевич.

Не сомневаюсь в том, что Вы послали мне Вашу книгу по рекомендации Леонида Федоровича Зурова, с которым я имел удовольствие познакомиться в Эдинбурге. Прощу Вас передать ему мою благодарность за эту рекомендацию и мой искренний привет.

Примите от меня поздравление с новым годом и самое душевное пожелание Вам крепкого здоровья и всяческого благополучия.

Искренне уважающий Вас и глубоко признательный
Ник. Гудзий».⁵

² РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. № 2. Л. 5 об., 6, 7.

³ Там же. Карт. 26. № 36. Л. 1.

⁴ Там же. Разд. II. Карт. 7. № 16. Л. 1. Машинопись с припиской и подписью — автографом. Опубликовано А. М. Любомудровым по машинописной копии, выполненной М. Э. Грин (сообщено Р. Дэвисом): РАЛ. MS 1068/3212. См.: Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». Переписка с российскими писателями и учеными: 1957–1971 / Сост., вступ. статья, подг. текстов и комм. А. М. Любомудрова. СПб., 2023. С. 226.

⁵ РАЛ. MS 1067/2725.

В феврале Гудзий получил ответное письмо от В. Н. Буниной, подтверждавшее предположение о роли Зурова как инициатора их заочного знакомства и содержавшее живейший отклик на воспоминания ученого о выступлении Бунина в 1916 году:

«Париж, 12 II 59

Многоуважаемый Николай Калининкович,⁶

Благодарю Вас за письмо с лестным отзывом о „Жизни Бунина“. Вашим мнением я дорожу, — оно для меня ценно.

Порадовало меня, что Вы слышали чтение рассказа „Петлистые уши“ автором и что рассказ Вам понравился. Думаю, Вы правы: это могло быть в 1916 г. А где это было? Не на „Среде“ ли? В этом рассказе дан необыкновенно жуткий вечерний Петербург в соответствии с самим героем Соколовичем.

Я много слышала о Ваших лекциях в Эдинбургском университете от Леонида Федоровича, и Вы совершенно правы: это он посоветовал послать Вам мою книгу.

Он шлет Вам сердечный привет. Спасибо за пожелания на 1959 г. Я в свою очередь желаю Вам здоровья, творческой работы и возможных радостей.

Искренне уважающая Вас

В. Бунина

Р. S. Ваши книги здесь пользуются заслуженным успехом».⁷

В том же году, но несколькими месяцами позднее Зуров, очевидно, по просьбе вдовы писателя отправил Гудзию по почте и книгу Бунина «О Чехове», вышедшую в 1955 году в нью-йоркском «Издательстве имени Чехова» с предисловиями М. А. Алданова и В. Н. Буниной. Книгу ученому не выдали, ее положили на специальное хранение в Научной библиотеке им. А. М. Горького МГУ, что заставило его обратиться к директору А. М. Сахарову 12 декабря 1959 года: «В спецхране (теперь в профессорском зале) находится <...> присланная мне из Кэмбриджа (Англия) книга Бунина о Чехове. И в этой книге я не нахожу ничего столь опасного для моего личного использования, что заставляло бы лишать меня права владеть ею».⁸ Книги из Франции, Англии, Германии, США Гудзий получал и до 1959 года, и после: западные издания в его библиотеке насчитывали сотни экземпляров. Но в данном случае он не избежал прямого столкновения с обычной практикой цензурных инстанций по отношению к зарубежным изданиям, пересылаемым в СССР официальной почтой.

Несколько важных эпизодов, позволяющих реконструировать историю общения Буниной и Зурова с Гудзием, относятся к 1960–1961 годам. В Венеции с 29 июня по 2 июля 1960 года проходил Международный конгресс, приуроченный к 50-летию со дня кончины Л. Н. Толстого. В качестве участника советской делегации принял участие в конгрессе и Гудзий. Вполне возможно было бы пройти мимо этого события, если бы не сохранившаяся, к счастью, переписка В. Н. Буниной с литературным критиком, поэтом и переводчиком Г. В. Адамовичем. В письме от 12 июля 1960 года он сообщал Буниной: «Вы спрашиваете о Венеции. Было очень пышно, нарядно, многолюдно, вроде какого-то парламента <...> Советские делегаты держались вежливо и любезно до крайности <...> Меня очаровал проф. Гудзий, — кажется, Вы его знаете или с ним были в переписке. Умный, скромный, милый и много рассказавший интересного».⁹

В октябре–ноябре 1960 года Гудзий перенес две серьезные операции и находился в Боткинской больнице. К этому времени относится публикуемое нами ниже письмо

⁶ Отчество было написано с ошибкой, правильно: Калининкович.

⁷ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 18. № 61. Л. 1–1 об. Согласно второму тому «Летописи жизни и творчества И. А. Бунина», выступление писателя с чтением рассказа «Петлистые уши» состоялось в Москве 21 декабря 1916 года на заседании литературного кружка «Среда» (Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. М., 2017. Т. 2. 1910–1919 / Сост. С. Н. Морозов. С. 812).

⁸ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 14. № 13. Л. 2.

⁹ Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И. А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. С. 159.

литературоведа, хорошего знакомого ученого, Александра Кузьмича Бабореко (1913–1999), обращенное к Гудзию, — оно было написано 27 октября 1960 года:

«Дорогой Николай Калининнович!

23-го октября я получил письмо от Веры Николаевны Буниной. Она пишет:

„Леонид Федорович очень опечален болезнью Н. К. Гудзия. Пожалуйста, передайте от него Николаю Калининновичу самые добрые пожелания скорейшего выздоровления“.

Я с огорчением узнал, что Вы нездоровы. Ваша многообразная литературная работа всегда была заметна и так необходима многим, а теперь, в толстовские дни, она необходима особенно.

От всей души желаю Вам скорейшего выздоровления, возвращения к творческой работе и много радостей.

С приветом сердечно А. Бабореко

27.10.<19>60». ¹⁰

3 апреля 1961 года не стало В. Н. Буниной. Гудзий узнал об этом, спустя несколько дней, но сразу же откликнулся на ее уход из жизни в письме Зурову 7 апреля: «Сегодня А. К. Бабореко сообщил мне печальную весть о кончине Веры Николаевны Буниной. Зная, как душевно Вы были связаны с Иваном Алексеевичем и Верой Николаевной, я живо понимаю, как эта новая утрата одного из двух близких Вам людей больно Вами переживается. Позвольте выразить Вам свое сердечное сочувствие в постигшем Вас горе, — тем более искреннее, что у меня сохранилось самое теплое воспоминание о нашей встрече в Эдинбурге пять с половиной лет тому назад». ¹¹ 27 апреля 1961 года Зуров, отвечая на искренний отклик своего корреспондента, писал Гудзию: «Ваше сердечное письмо тронуло меня бесконечно. Вера Николаевна очень беспокоилась, узнав, что Вы заболели. Я ей рассказывал о наших эдинбургских встречах. Помните, как мы с Вами беседовали о Вере Николаевне в Эдинбургском замке. Вера Николаевна читала Ваши книги. Видела в Париже Ваш фильм „Л. Н. Толстой“ и очень его хвалила. Очень мне тяжело». ¹²

В 1950-е годы, после многолетнего замалчивания в СССР, выхода в свет изданий произведений Бунина прихотилось добиваться, преодолевая многочисленные препятствия самого разнообразного происхождения — политического, бюрократического, административного. Если единичным изданиям чудом удавалось выйти в свет, то и они сопровождалась предисловиями, вроде текста, написанного незадолго до ухода из жизни А. К. Тарасенковым и открывавшего первый в Советском Союзе «бунинский» том стихотворений в большой серии «Библиотеки поэта» (1956). Этот текст объединял в одно целое наблюдения над поэтикой Бунина, его писательским мастерством и одновременно — осуждение великого писателя за его якобы «классовое ослепление», за то, что он «не останавливался перед ординарной клеветой на Советскую Россию», и за многие другие растражированные советской печатью «идейно-политические заблуждения» Бунина, «не сумевшего ни понять, ни принять новую эпоху». ¹³

¹⁰ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 16. № 1. Л. 4. Машинопись с подписью — автографом. Та же тема звучит и в письме Зурова В. И. Малышеву, написанном в тот же день: «Пожалуйста, передайте мой привет профессору Гудзию <...> Мне сообщили недавно, что он заболел. От всей души желаю ему скорейшего выздоровления» (Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 97).

¹¹ РАЛ. MS 1068/3214. Опубликовано А. М. Любомудровым по автографу: Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 227.

¹² РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 26. № 36. Л. 2. Опубликовано А. М. Любомудровым по черновику (РАЛ. MS 1068/3213) и датировано октябрем 1960 года, см.: Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 226–227. В письме упомянут документальный фильм «Лев Толстой» (1953; режиссер С. Бубрик, авторы сценария Л. Никулин, С. Бубрик), научным консультантом которого был Гудзий.

¹³ Бунин И. А. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. К. Тарасенкова. Л., 1956. С. 21 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Надо сказать, что и с текстологической стороны выходившие в свет издания нельзя назвать удачными.

Как известно, начало публикациям бунинской прозы было положено однотомниками «Рассказы» (1955) и «Избранные произведения» (1956). Редактором их был П. Л. Вячеславов, состоявший в переписке с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым.¹⁴ Он же подготовил книгу «Повести, рассказы, воспоминания» (1961), выход которой в издательстве «Московский рабочий» заставил Гудзия высказаться относительно советских изданий наследия Бунина. Еще раньше, в 1956 году в четвертом томе пятитомного Собрания сочинений писателя, вышедшего в серии «Библиотека „Огонек“» под редакцией Вячеславова, увидела свет повесть Бунина «Лика» (отдельным изданием напечатана также в 1958 году), являющаяся органической частью романа «Жизнь Арсеньева».

Обстоятельства сложились таким образом, что Гудзий познакомился с романом не только по советскому изданию, но и по нью-йоркскому, последнему прижизненному и авторизованному автором. Это подтверждает письмо Бабореко, адресованное Зурову и датированное 9 мая 1961 года: «„Жизнь Арсеньева“ произвела на многих, в буквальном смысле слова, потрясающее впечатление. Николай Каллиникович прочел эту удивительную книгу только прошлый год. Встретив меня, он говорил: — Что за книга! Какие изумительные описания природы! А изображения людей, России!»¹⁵ Указание на год знакомства Гудзия с романом Бунина позволяет нам предположить, что именно Бабореко дал Гудзию возможность познакомиться с его экземпляром издания, вышедшего в «Издательстве имени Чехова» в 1952 году и снабженного пометой «Первое полное издание». 21 марта 1958 года датирована дарственная надпись В. Н. Буниной на этой книге, подаренной Бабореко: «Дорогому Александру Кузьмичу Бабореко в знак благодарности и дружеского отношения. Это — последний экземпляр в издательстве. В. Бунина».¹⁶ В переписку с Зуровым Гудзий вступил несколько позже, и в том случае если бы у него имелся собственный экземпляр, то он был бы получен, думается, раньше упомянутого 1960 года, а это противоречит истории эпистолярного общения ученого с Зуровым и Буниной. Можно допустить и присылку Зуровым имевшегося у него экземпляра «Жизни Арсеньева» Гудзию, хотя этот момент не отражен в переписке.

Выход однотомника в 1961 году дал Гудзию повод задуматься о том, в каком виде предстает впервые перед советским читателем литературное произведение, которому он дал высокую оценку, как «выдающемуся явлению новейшей русской художественной литературы». Единомышленника ученый нашел в лице Бабореко, который с сочувствием отнесся к замыслу Гудзия и, разделяя его критическое отношение к принципам, положенным в основу публикации «Жизни Арсеньева», а вернее сказать — отсутствию каких бы то ни было четких текстологических принципов, 23 декабря 1961 года писал своему корреспонденту: «Слышал, что Вы пишете об однотомнике сочинений Бунина, изданном „Московским рабочим“; в этом издании — тот же „текстолог“, который возмутил Бунина в 1946–47 годах своей „текстологией“, сейчас испакостил жемчужину русской прозы „Жизнь Арсеньева“ сокращениями. Это, прежде всего, его работа, а не издательства, я-то это хорошо знаю. Я хочу дать Вам некоторые сведения об этом романе, которые пригодятся, может быть, когда Вы будете писать о нем. — Прежде всего, ссылка текстолога и комментатора на то, что будто бы сам Бунин дал право на сокращения, сущее вранье. Есть *единственное* письмо Бунина, опубликованное мною в Смоленске, в котором он писал *исключительно* о книге „Освобождение Толстого“ (Н. Д. Телешову, 8 января 1947) <...> Ему и в голову не могло прийти проделать

¹⁴ В воспоминаниях Бабореко крайне отрицательно оценивал и личные, и профессиональные качества Вячеславова: Бабореко А. К. Дороги и звоны: воспоминания, письма. М., 1993. С. 45.

¹⁵ Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 276.

¹⁶ Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2006. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). С. 4, ил.

сокращения в художественном произведении или соглашаться на таковые. Прошедшим летом мне рассказывали Кодрянские, будучи в Москве, что Бунин слал телеграмму И. В. Кодрянскому из Парижа в Нью-Йорк с просьбой изменить запятые в книгах, печатавшихся в Чеховском издательстве <...> Бунин обычно на оригинале, на корректуре надписывал: „строго держаться оригинала — сохранить все мои знаки препинания“ <...> Бунин дорожил словом и всю жизнь боролся с теми, кто не ценил русскую речь. Мне кажется, хорошо бы было помнить это всякому, кто берется редактировать и издавать Бунина <...> Сокращения в „Жизни Арсеньева“ преступны еще и потому, что уничтожат построение, художественную гармонию частей, что в прозе Бунина всегда исключительно важно».¹⁷

Упоминание о 1946–1947 годах, по-видимому, имеет отношение к планам советского правительства убедить писателя вернуться из эмиграции на родину. Для этого были предприняты разнообразные меры — на Бунина воздействовали через сотрудников посольства (так, осенью 1945 года писатель встречался с послом А. Е. Богомоловым, и встреча эта была истолкована даже частью ближайших знакомых Бунина превратно), через писательские круги (встречи с К. М. Симоновым летом 1946 года).¹⁸

В это же время шли переговоры с писателем и об издании его произведений в Советском Союзе — по всей вероятности, Бунин еще не успел подробно познакомиться с первыми опытами работы советских редакторов (в частности, Вячеславова) с его произведениями, но пришел в негодование от недопустимых для автора обстоятельств подготовки книг, отказавшись от подобных инициатив, после чего получил телеграмму от руководства Государственного издательства о том, что публикация его произведений откладывается на неопределенный срок (на деле готовый набор сборника был рассыпан).¹⁹ Кроме того, Бунину стало известно, что в основу первого однотомника,

¹⁷ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 16. № 1. Л. 11–13. Упомянуты хорошие знакомые Бунина, врач, предприниматель, меценат И. В. Кодрянский и его супруга, писательница Н. В. Кодрянская. В письме от 8 января 1947 года Бунин, уже сообщивший о своем категорическом решении Н. Д. Телешову и в издательство, но еще не знавший о том, что набор издания был рассыпан, в ответ на сожаление своего друга относительно отказа и убеждения в необходимости издания однотомника в Советском Союзе писал ему буквально следующее: «...пока спешу горячо просить тебя сказать Государственному издательству: пусть издает из моих писаний *все что угодно*, но выбирает *только* из собрания моих сочинений издания „Петрополиса“ в Берлине 1934 и 1935 годов (если в Москве этого издания нет, — я вышлю свой экземпляр, последний, ибо это издание давно разошлось). Можно издать еще в *сокращенном виде* мою книгу „Освобождение Толстого“». См. это письмо и переписку Бунина с Н. Д. Телешовым, подготовленную к печати А. Н. Дубовиковым: Лит. наследство. 1973. Т. 84. Иван Бунин: В 2 кн. / [Ред. А. Н. Дубовиков, С. А. Макаши]. Кн. 1. С. 623–632 (письма 1940-х годов, цитируемое письмо см. на с. 631).

¹⁸ См.: Пономарев Е. Р. Как И. А. Бунин оказался красным? (По материалам парижской прессы 1946–1947 годов) // Русская литература. 2018. № 4. С. 202–208; Морозов С. Н. И. Бунин и К. Симонов: парижские встречи // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 205–215.

¹⁹ См. в письмах Бунина к Алданову отголоски, складывающиеся в некоторую хронику, демонстрирующую живую реакцию Бунина на новости, получаемые из Советского Союза: «...на днях прочел в московской „Литературной газете“ о выходе в свет каких-то моих „избранных“ произведений <...> Это меня ужасно взволновало и продолжает волновать: навалит в это издание Бог знает что, без разбору, перемешают путное с ничтожным, ранним — и т. д., словом, сделают то, от чего многие, так уже изданные, в гробу переворачиваются!» (11 октября 1945 года); «...была телеграмма из Москвы на имя писательницы Триоле <...> эту телеграмму она передала мне по телефону и в этой телегр<амме> была просьба прислать „не медля“ сборник моих последних рассказов; я тогда отправился к Борису Данил<овичу> Михайлову, заведующему здесь „бюро прессы“ по назначению Москвы, и попросил его запросить Москву, зачем и кому именно нужны мои рассказы <...> недели через три пришел ответ из Москвы — там желают издать эти мои рассказы (только для России) и еще что-нибудь из моих последних книг <...> и я попросил Бахраха отвести Михайлову рукопись моих рассказов (3/4 их), „Освобождение Толстого“ и „Жизнь Арсеньева“, а также письмо к Телешову: вот, мол, посылаю, по желанию Москвы, кое-что из моих последних писаний „для осведомления“» (26 декабря 1945 года); «Открытка мне от Телешова из Москвы: „Государств<енное> издательство печатает твою книгу избранных произв<едений>. Листов в 25“. Это такой ужас, которому имени нет! Ведь я еще жив! Но вот, без спросу, не сове-

подготовка которого планировалась еще в 1945 году, были положены тексты Собрания сочинений в шести томах 1915 года в издании А. Ф. Маркса, которое Бунин не раз в переписке называл «ужасным». Авторский комплект Собрания сочинений, выпущенного берлинским издательством «Петрополис» в 1934–1936 годах, после кончины писателя передала в СССР его вдова. В настоящее время он хранится в РГБ.²⁰

В 1950–1960-е годы предпринимались неоднократные попытки организовать возвращение в Советский Союз архива Бунина, для чего велись многолетние и безуспешные переговоры с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым. О позднем этапе этих переговоров красноречиво свидетельствует подробнейшее письмо С. А. Макашина к руководству Союза писателей СССР от 17 января 1969 года, где он рассказал об истории «борьбы» за архив Бунина, в которой и сам принимал ближайшее участие. Отчасти оказался причастен к этим переговорам и Гудзий, которого привлек Бабореко.²¹

Издание однотомника в «Московском рабочем» спустя пятнадцать лет после первых аналогичных попыток, несмотря на то, что готовилось оно в иной политической ситуации, тем не менее, оказалось изуродовано многочисленными варварскими купюрами по решению Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совмине СССР и его руководителя П. К. Романова.²²

Начало работы Гудзия над статьей «О „Жизни Арсеньева“ И. А. Бунина в советских изданиях» оказывается возможным датировать достаточно точно: декабрь 1961 года. В ней упомянута публикация «Жизни Арсеньева» в трех номерах журнала «Москва» — июльском, августовском и ноябрьском («Лика» в ее составе напечатана не была). Что же касается завершающего этапа работы, то представляется правильным отнести его к январю–февралю 1962 года.

Несмотря на очевидный восторг автора статьи перед писательским даром и отсутствие какой бы то ни было предвзятости во взгляде, она отчасти похожа на другие работы о Бунине, появившиеся в печати в описываемый период. В ней повторяются некоторые общие места, клише, усвоенные советским литературоведением по отношению к Бунину еще в 1930-е годы.²³ Но благодаря высказанным автором и заслуживающим

туясь со мной, — выбирая по своему вкусу, беря старые тексты... Дикий разбой» (23 января 1946 года); «В Москву я отправил 2 больших письма — Телешову и Государств<енному> издательству — написал не в меру резко, что именно там выбрали из меня? И какие тексты? „Огромное количество экземпляров“ меня ничуть не радует, я вне себя от горя» (14 февраля 1946 года); «Федин <...> сказал <...> что мои писания издаются сразу и в Москве и в Петербурге — по 80 печатных листов каждое издание! Я убежден, что я за все за это и гроша не получу, но черт с ним, с грошом — ужасно то, повторяю, что мною распоряжаются, как своими собственными штанами и без всякого моего ведома» (24 февраля 1946 года); «...все-таки не в деньгах дело, а в том, что выберут и как будут сокращать, выкидывать им неподходящее!» (12 марта 1946 года); «Впал ли я „в немилость“ — не знаю. После той телеграммы и моего ответа на нее нет больше никакого движения дела, молчание» (10 мая 1946 года). См.: И. А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология / [Сост. Б. В. Аверин и др.]. СПб., 2001. С. 56–60.

²⁰ Лит. наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 631.

²¹ «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С. А. Макашина (К 80-летию основания издания) / Публ. и подг. текста А. Ю. Галушкина; вступ. заметка А. Ю. Галушкина при участии М. А. Фролова; комм. М. А. Фролова и А. Ю. Галушкина // Русская литература. 2011. № 2. С. 79–82; *Зуров Л. Ф.* «Желаю счастья и радости...». С. 224; *Бабореко А. К.* Дороги и звоны. С. 98–99. В этой связи нелишним будет упомянуть, что начиная с 1956 года В. Н. Бунин передавала в Советский Союз некоторые материалы архива писателя. См. публикацию, раскрывающую сложный, к несчастью запутанный и наполненный противоречиями, процесс, участниками которого оказались представители различных государственных ведомств и структур (от членов правительств до литературной общественности): *Любомудров А. М.* «Неприличная, позорная история»: О несостоявшейся передаче бунинского наследия на родину (по архивным материалам) // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021. С. 398–433.

²² *Максименков Л.* Битва за Бунину // *Огонек*. 2020. № 39–42 (5611). С. 38–40.

²³ Именно эта особенность текста заставляет допустить следующее предположение. Несмотря на то, что, судя по процитированному выше письму Бабореко, коллеги Гудзия знали о его

внимания соображениям относительно публикации художественного текста, который Гудзий уже в самом начале 1960-х годов относил к фонду классических произведений, она не теряет своей исторической и научной ценности. Очень важен не только сопоставительный анализ советского однотомника 1961 года и авторизованного нью-йоркского издания 1952 года, но и само время закрепления наблюдений ученого на бумаге в надежде на дальнейшую публикацию. Напомним, что автор — выдающийся текстолог и источниковед, имевший к моменту написания статьи значительный (несколько десятилетий) практический опыт подготовки как академических, так и неакадемических изданий литературных памятников XI–XX веков.

Статья Гудзия позволяет представить примечательный эпизод в изучении бунинского наследия в начале 1960-х годов, на этапе, многое определившем и предшествующем выходу из печати Собрания сочинений писателя в девяти томах в издательстве «Художественная литература» (1965–1967) — первой значительной победе отечественного буниноведения и его неравнодушных сторонников. В шестом томе этого издания, вышедшем в 1966 году, роман «Жизнь Арсеньева» был напечатан по тексту авторского экземпляра издания 1952 года (с учетом правки писателя и исправлением дефектов предыдущих советских публикаций). В комментариях впервые в советских изданиях была приведена информация относительно всех предшествующих публикаций (от первой газетной 1927 года до книги, выпущенной «Издательством имени Чехова») и некоторые материалы к творческой истории романа — в частности, анализ переданных В. Н. Буниной в СССР рукописей первых четырех книг, а также сведения, почерпнутые из книг И. А. и В. Н. Буниных, отклики на роман писателей и критиков. Сходным образом обстояло дело и с публикацией романа в пятом томе собраний сочинений писателя в шести и в восьми томах, напечатанных в 1988 и в 1996 годах соответственно.

В трех собраниях сочинений Бунина, следовавших за однотомником 1961 года, радикальным образом нарушившим авторскую волю, такие редакторы, как Л. В. Котляр и А. К. Бабореко, в своей работе стремились приблизиться к тому, что называется «критикой текста».²⁴ Тем символическое выглядит тот факт, что одним из ранних свидетельств этого «движения к автору» является публикуемая нами работа Гудзия.

В архиве Гудзия сохранились две редакции статьи в виде двух машинописей с авторской правкой (РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карг. 2. № 11. Л. 1–10). Текстуальное их сравнение позволяет без труда определить очередность их появления на свет. Мы публикуем последнюю, предназначенную автором для печати редакцию статьи (Л. 5–10), но в затекстовых примечаниях приводим разночтения с ее первой редакцией, чтобы читатель имел возможность познакомиться с ходом работы Гудзия. Из этих разночтений следует, что она шла по линии сокращений первоначального текста (под предполагавшийся и заранее обозначенный редакцией журнала объем), придания формулировкам большей лаконичности, а также поправок, отражающих стремление избежать утрирования некоторых оценок и положений. При публикации источника нами сохраняются индивидуальные особенности авторской орфографии и пунктуации.

намерении написать статью о «Жизни Арсеньева», что у него были хорошие отношения с редакцией журнала «Вопросы литературы» и что в архиве Гудзия других следов «бунинской темы» нам обнаружить не удалось, нельзя исключить иную первоначальную жанровую принадлежность и предназначение публикуемого текста. Допустимо, что это могла быть внутренняя рецензия, которая преследовала, по сути дела, ту же цель, что и статья — добиться публикации текста без купюр или существенно сократить их число.

²⁴ О сложностях и хитросплетениях творческой истории «Жизни Арсеньева», о принципах, которые должны быть положены в основу современного научного издания романа, полнее всего рассказывает опубликованная совсем недавно статья: Пономарев Е. Р. «Жизнь Арсеньева»: проблемы научного издания // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. С. 617–624. Вполне справедливо и обоснованно замечание автора о том, что правка Буниным издания 1952 года в целом случайна и непоследовательна и в качестве выражения последней авторской воли рассматриваться не может, но должна быть оценена как «нереализованный проект» писателя. В то же время сам текст романа, опубликованный в 1952 году, следует считать основным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. К. Гудзий

О «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина в советских изданиях

Роман «Жизнь Арсеньева» относится к числу выдающихся произведений И. А. Бунина. Писатель работал над ним в общей сложности на протяжении около двадцати пяти лет, в то же время это едва ли не самое значительное произведение в его писательском наследстве. В соединении с повестью «Лица», органически связанной с «Жизнью Арсеньева» и составившей его последнюю, пятую книгу, роман в окончательно обработанной автором редакции вышел в «Издательстве имени Чехова», под заглавием «Жизнь Арсеньева. Юность» и с пометой «Первое полное издание» (Нью-Йорк, 1952).

Повесть «Лица» в 1956 году была полностью напечатана в составе пятитомника сочинений Бунина, изданного Гослитиздатом; что касается «Жизни Арсеньева», то впервые в советском издании роман появился лишь в 1961 году — почти одновременно в однотомном собрании сочинений Бунина в издательстве «Московский рабочий» и в трех номерах журнала «Москва» (в последнем — без пятой книги, то есть без «Лиц», видимо потому, что в журнале неуместно было бы перепечатывать недавно опубликованное в советской печати произведение). Текст первых четырех книг романа в обоих советских изданиях подвергся одинаковым, совершенно сходным сокращениям.¹ Сокращения эти выразились в исключении из текста романа целиком двенадцати глав (нужно сказать, однако, что по своему объему главы в «Жизни Арсеньева» обычно довольно коротки), а также отдельных мест в некоторых других главах, всего около двух печатных листов.

Арсеньев — в самом существенном — образ автобиографический. В нем Бунин отразил душевное развитие обедневшего, но дорожающего своими родовыми традициями, художественно одаренного, постоянно эмоционально взволнованного выходца из дворянской среды.² Арсеньев плотью и кровью связан с патриархальной помещицкой Русью, с ее не столько политическим, сколько бытовым консервативным укладом, с ублаживающей поэзией старозаветного провинциального господского и крестьянского быта, сложившегося в окружении бескрайних среднерусских просторов. Ему свойственна повышенная наблюдательность, живое проникновение³ в мир человека и в мир природы, углубленная и сосредоточенная жизнь в самом себе, психология индивидуалиста, равнодушного, а порой и враждебно настроенного к тому, что занимало современное ему передовое общество, религиозная настроенность, как устоявшееся, с детских лет нажитое, переживание, рожденное традицией чувства, а не голосом веры и убеждения.

Таков Арсеньев, таков и сам Бунин, и до Октября, по существу, стоявший в стороне от острых вопросов современности, а после Октябрьской революции, в эмиграции, сначала внутренней, потом внешней, зарубежной, ставший в резко враждебное отношение к обновленной России. Такого рода позиция писателя, естественно, не могла не сказаться особенно явственно на его послеоктябрьском творчестве, не могла она не сказаться и на «Жизни Арсеньева», как и на некоторых других его произведениях, созданных в эмиграции. Это определило, в частности, идейную ущербность романа.⁴

Возникает вопрос, насколько оправданы купюры в советских изданиях романа, если вообще возможно говорить о допустимости купюр при печатании выдающегося, хотя и не совсем созвучного с нашей идеологией произведения большого писателя.⁵

Но и по самому своему характеру купюры эти даже при самом строгом подходе, на наш взгляд, представляются совершенно необоснованными. Ведь нужно было признать во внимание, что мы имеем дело не с советским писателем, а с писателем-эмигрантом, чуждые нам идейные и политические позиции которого хорошо известны.⁶

Совершенно недопустимый и уже не раз обсуждавшийся в советской печати редакторский произвол, в данном случае допущенный по отношению к бунинскому роману, произведенные в нем купюры искажают облик Бунина — политический и художественный. Изъяты в романе места, вскрывающие те социально-сословные

и религиозно-мистические корни мировоззрения писателя, которые во многом обусловили его эволюцию, переход в лагерь врагов и хулителей Октябрьской революции. «Подчищая» Бунина, «улучшая» его идейно, издатели невольно играют на руку тем, кто его безоговорочно идеализирует, кто не хочет замечать в его мировоззрении крупнейших изъянов, приведших его к духовной трагедии и внутреннему опустошению. Единственно целесообразным было бы, не прибегая к купюрам, сопроводить издание романа такой статьей, в которой нашло бы себе место объяснение ущербности политической и идейной эволюции Бунина.

Недоумения наши начинаются с первой же главы первой книги романа. Глава обрывается почти в самом начале, на словах Арсеньева: «Знаю, что род наш „знатный, хотя и захудалый“», после которых, подкрепляя свою мысль ссылкой на церковную молитву, он признается, что всю жизнь дорожил знатностью своего древнего рода, чистотой и непрерывностью крови и породы, гордясь и радуясь, что он «не из тех, у кого нет ни рода, ни племени». Опущена далее вся десятая глава той же первой книги, где Арсеньев говорит о том, что с самого детства он жил с обостренным чувством смерти, как живут иные люди чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни. Для нас ясно, что размышления о смерти, действительно преследовавшие Бунина всю жизнь, ассоциировались со всем мировоззрением человека, оказавшегося не в силах порвать со своим умирающим классом, обезволенного, отуманенного («...Замкнулся он в своем сказочно-святом мире, упиваясь своими скорбными радостями, жаждой страданий, самоизнурения, самоистязания»). С понятием о смерти родилось у Арсеньева и понятие о боге и вера в него. Особенно сильно, по его словам, чувство смерти у него самого и в его семье проявлялось в великопостные и страстную недели, не убывая и с наступлением пасхального праздника. И дальше исключены части глав и отдельные главы, в которых речь идет о религиозной настроенности Арсеньева, о действии на его чувства и на лирически-мечтательную психику церковной службы, об отношении к смерти. Целые главы во второй и третьей книгах романа, в которых описываются переживания Арсеньева в связи со смертью его сестры Нади и родственника, помещика Писарева, также опущены — вероятно, только затем, чтобы уберечь читателя от пессимистического взгляда на вещи.

Из романа исключены отрицательные высказывания Арсеньева об увлечении русской интеллигенцией революционными идеями, пренебрежением ее к повседневному, спокойному, практически оправданному труду, не способному кружить голову и не дающему простора кипучей подпольной деятельности, опьяняющей и импонирующей своим политическим риском,⁷ побуждающей к самопожертвованию и самоотречению в пользу и во благо страждущего народа. Все эти суждения Арсеньева, как и его отношение к передовым деятелям русской литературы и культуры, ко всему тому, что связано с революционно-освободительными настроениями студенческой молодежи, как и его скорбь по поводу гибели старой России, проникнуты самоочевидной реакционностью.⁸ Однако все это настолько типично для внутреннего облика Арсеньева, что с устранением подобных суждений из текста романа искажается центральный образ произведения, как исказились и упростились бы образы ряда персонажей Толстого и Достоевского, например, если бы мы устранили из характеристик этих персонажей все то, что не согласуется с нашими представлениями о передовых традициях русской общественной мысли. Если мы хотим, чтобы читатели знали подлинного, а не приукрашенного Бунина, таким, каким он был в эмиграции, нельзя скрывать его недоброжелательных мыслей о революционерах, потому что они объясняют сделанный им политический выбор после Октября.

Исключены, наконец, четыре последние (XIX–XXII), как обычно, короткие главы четвертой предпоследней книги «Жизни Арсеньева», правда, композиционно никак не связанные с романом в целом. В главе XVIII речь идет о встрече Арсеньева с Ликой и его влюбленности в нее, а вся пятая книга посвящена рассказу об их любовной связи и драматическом разрыве. И между этой главой и текстом пятой книги вклиниваются четыре главы, перебивающие и нарушающие хронологическую последовательность повествования. Арсеньев, на время расставшись с Ликой, уезжает из Орла, где произошло их знакомство, и на вокзале смешивается с привилегированной толпой, встре-

чающей траурный поезд, везущий тело умершего вдали от столицы царя.⁹ Во время остановки поезда в Орле на платформу выходит молодой ярко-русый гигант-гусар в красном доломане, поразивший Арсеньева своей незаурядной внешностью; в следующих трех главах четвертой книги рассказывается о том, как через много лет этого красавца-гусара, великого князя, не названного по имени, но, очевидно, Николая Николаевича-старшего, поселившегося теперь на чужбине, во Франции, по соседству с Арсеньевым, Арсеньев видит на смертном одре и присутствует на торжественной панихиде по нем. Весь этот рассказ, при всей его художественной выразительности, повторяем, представляется действительно посторонней вставкой, но и тут не следовало нарушать авторской воли; необходимо было, до конца соблюдая последовательность, сохранить эти главы в тексте романа.¹⁰

Нам кажется, что произведения такого писателя, как Бунин, должны доходить до читателя без редакторского вмешательства, как доходят до читателя произведения других наших классиков.¹¹

¹ *Далее следовало:* проделанным одной и той же редакторской рукой

² *Было:* из года в год скудеющей дворянской среды

³ *Было:* живейшее вчувствование

⁴ *Этот абзац оканчивался более пространным пассажем:* Это определило, в частности, идейную ущербность «Жизни Арсеньева», благодаря чему роман в течение долгого времени не появлялся в советской печати. Однако его высокие художественные достоинства, его первостепенное значение в творческом наследстве Бунина, наконец, сделало его доступным для советского читателя, но с купюрами, как об этом сказано было выше.

⁵ *Абзац имел следующее продолжение:* И не целесообразнее ли было бы вовсе отказаться от советского издания даже художественного шедевра, раз возникает сомнение в полезности ознакомления с ним советского читателя в первоизданном облике этого шедевра и если сопроводительная критическая статья советского комментатора не способна спасти положение?

⁶ *Абзац имел следующее продолжение:* Обратим, прежде всего, внимание на те изъятия из романа в обоих советских изданиях, которые даже при самом строгом цензурном подходе, на наш взгляд, не заслуживали этого, особенно если принять во внимание, что мы имеем тут дело не с советским писателем, а с писателем-эмигрантом, чуждые нам идейные и политические позиции которого нам хорошо известны, которых мы не намерены оправдывать, но мимо которых мы терпеливо проходим в уверенности, что советский читатель не нуждается в усиленной опеке и что он самостоятельно разберется в том, что для него ценно в Бунине-художнике и что неприемлемо, и, главное, вовсе не заразительно.

⁷ *Предложение оканчивалось иначе:* вовлекающей в тайные кружки с присущей им романтической жадной самопожертвования и самоотречения в пользу и во благо страждущего народа

⁸ *Предложение оканчивалось следующим пассажем:* что связано с революционно-освободительной фразеологией революционно настроенной студенческой молодежи, как и его скорбь по поводу гибели старой России, утратившей в его представлении после Октябрьской революции свою духовную и материальную мощь и свое гордое величие, — все это проникнуто самоочевидной реакционностью

⁹ *Далее следовало:* Имя его не названо, но ясно, что речь идет о прахе Александра III, скончавшегося в Крыму, в Ливадии, в 1894 году и направляемом для погребения в Петербург.

¹⁰ *Абзац оканчивался следующим пассажем:* Весь рассказ о высокопоставленном в прошлом покойнике проникнут щемящей лирической грустью, подробности церковного панихидного обряда переданы с художественной выразительностью, но, повторяю, все, что рассказано в этих четырех главах, завершающих четвертую книгу романа, и что не вошло в советские его издания, представляется посторонней, случайной и тем самым вовсе не оправданной, хотя идейно довольно безобидной вставкой. Роман ничего не потерял бы, а скорее выиграл бы без этой вставки, но и тут сам собой напрашивается вопрос — следовало ли и в данном случае нарушать авторскую волю и не правильнее было бы, до конца соблюдая последовательность, не исключать из советских изданий романа и этой чуждой его содержанию и архитектонике вставки, критически отнесясь к ней в сопроводительном к роману комментарии.

¹¹ *Далее следовало:* Если мы признаем, что для Бунина настала пора причислить его к классикам русской литературы, то, очевидно, должны признать и то, что, по крайней мере, первостепенные его произведения, к числу которых мы по праву относим «Жизнь Арсеньева», должны доходить до читателя без цензурного посредства, даже принимая во внимание их идейную ущербность, как доходят до читателя произведения других наших классиков, не всегда свободных от такой ущербности.

26. Zeman S. *Orality, Visualization and the Historical Mind: The «Visual Present» in (Semi-) oral Epic Poems and Its Implications for a Theory of Cognitive Oral Poetics* // *Oral Poetics and Cognitive Science*. Berlin; Boston, 2016.

Максим Андреевич Фролов

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Maksim Andreevich Frolov

Senior researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9694-6583

m.a.frolov@gmail.com

**Н. К. ГУДЗИЙ О И. А. БУНИНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА
И ПЕРЕПИСКИ УЧЕНОГО)**

**N. K. GUDZIY ON I. A. BUNIN
(BASED ON THE SCHOLAR'S PERSONAL ARCHIVE
AND CORRESPONDENCE)**

Статья, основанная на материалах личного архива Н. К. Гудзия (Отдел рукописей РГБ) и Русского архива в г. Лидсе (Великобритания), позволяет проследить, какое место занимало в его биографии и научном наследии творчество И. А. Бунина. Публикуемые материалы дают возможность восстановить историю эпистолярного общения Гудзия с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым, а также прояснить обстоятельства появления на свет неопубликованной статьи ученого «О „Жизни Арсеньева“ И. А. Бунина в советских изданиях» (опубликованы фрагменты писем А. К. Бабореко к Гудзию). В приложении печатается полный текст статьи в последней редакции, а в подстрочных примечаниях приводятся разночтения с ее первоначальной версией.

Ключевые слова: Н. К. Гудзий, И. А. Бунин, В. Н. Бунина, Л. Ф. Зуров, А. К. Бабореко, «Жизнь Арсеньева».

The article, based on the research in the personal archives of N. K. Gudzij (Department of Manuscripts, Russian State Library) and the Russian Archive in Leeds (UK), traces the impact of I. A. Bunin's work on his life and academic legacy. The data help to restore the history of Gudzij's correspondence with V. N. Bunina and L. F. Zurov, as well as to clarify the circumstances of the emergence of the scholar's unpublished article *I. A. Bunin's The Life of Arseniev in the Soviet Editions* (excerpts from A. K. Baboreko's letters to Gudzij are published). The full text of the article in its final version is published in the Appendix, the discrepancies with its original version are outlined in the footnotes.

Key words: N. K. Gudzij, I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov, A. K. Baboreko, *The Life of Arseniev*.

Список литературы

1. Бабореко А. К. Дороги и звоны: воспоминания, письма. М., 1993.
2. Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2006. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931).
3. Бунин И. А. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. К. Тарасенкова. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая сер.).
4. И. А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология / [Сост. Б. В. Аверин и др.]. СПб., 2001.

5. Волошин М. Собр. соч. М., 2013. Т. 12. Письма 1918–1924 / Сост. А. В. Лаврова; подг. текста Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой; комм. А. В. Лаврова, Г. В. Петровой.
6. Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». Переписка с российскими писателями и учеными: 1957–1971 / Сост., вступ. статья, подг. текстов и комм. А. М. Любомудрова. СПб., 2023.
7. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. М., 2017. Т. 2. 1910–1919 / Сост. С. Н. Морозов.
8. Лит. наследство. 1973. Т. 84. Иван Бунин: В 2 кн. / [Ред. А. Н. Дубовиков, С. А. Макашин]. Кн. 1.
9. «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С. А. Макашина (К 80-летию основания издания) / Публ. и подг. текста А. Ю. Галушкина; вступ. заметка А. Ю. Галушкина при участии М. А. Фролова; комм. М. А. Фролова и А. Ю. Галушкина // Русская литература. 2011. № 2.
10. Любомудров А. М. «Неприличная, позорная история»: О несостоявшейся передаче бунинского наследия на родину (по архивным материалам) // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021.
11. Максименков Л. Битва за Бунина // Огонек. 2020. № 39–42 (5611).
12. Морозов С. Н. И. Бунин и К. Симонов: парижские встречи // Литературный факт. 2021. № 2 (20).
13. Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И. А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса.
14. Пономарев Е. Р. «Жизнь Арсеньева»: проблемы научного издания // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021.
15. Пономарев Е. Р. Как И. А. Бунин оказался красным? (По материалам парижской прессы 1946–1947 годов) // Русская литература. 2018. № 4.

References

1. Baboreko A. K. Dorogi i zvony: vospominaniia, pis'ma. M., 1993.
2. Bunin I. A. Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 2006. T. 5. Zhizn' Arsen'eva. Roman (1927–1929; 1933); Bozh'e drevo. Rasskazy (1927–1931).
3. Bunin I. A. Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. A. K. Tarasenkova. L., 1956 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
4. I. A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: antologiya / [Sost. B. V. Averin i dr.]. SPb., 2001.
5. Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina. M., 2017. T. 2. 1910–1919 / Sost. S. N. Morozov.
6. Lit. nasledstvo. 1973. T. 84. Ivan Bunin: V 2 kn. / [Red. A. N. Dubovikov, S. A. Makashin]. Kn. 1.
7. «Literaturnoe nasledstvo»: stranitsy istorii. Iz arkhiva S. A. Makashina (K 80-letiiu osnovaniia izdaniia) / Publ. i podg. teksta A. Iu. Galushkina; vstup. zametka A. Iu. Galushkina pri uchastii M. A. Frolova; komm. M. A. Frolova i A. Iu. Galushkina // Russkaia literatura. 2011. № 2.
8. Liubomudrov A. M. «Neprilichnaia, pozornaia istoriia»: O nesostoiavsheisia peredache buninskogo naslediiia na rodinu (po arkhivnym materialam) // I. A. Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva / Otв. red.-sost. T. M. Dviniatina, S. N. Morozov. M., 2021.
9. Maksimenkov L. Bitva za Bunina // Ogonек. 2020. № 39–42 (5611).
10. Morozov S. N. I. Bunin i K. Simonov: parizhskie vstrechi // Literaturnyi fakt. 2021. № 2 (20).
11. Perepiska I. A. i V. N. Buninykh s G. V. Adamovichem (1926–1961) / Publ. O. Korosteleva i R. Devisa // I. A. Bunin: Novye materialy. M., 2004. Vyp. I / Sost., red. O. Korosteleva, R. Devisa.
12. Ponomarev E. R. «Zhizn' Arsen'eva»: problemy nauchnogo izdaniia // I. A. Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva / Otв. red.-sost. T. M. Dviniatina, S. N. Morozov. M., 2021.
13. Ponomarev E. R. Kak I. A. Bunin okazalsia krasnym? (Po materialam parizhskoi pressy 1946–1947 godov) // Russkaia literatura. 2018. № 4.
14. Voloshin M. Sobr. soch. M., 2013. T. 12. Pis'ma 1918–1924 / Sost. A. V. Lavrova; podg. teksta N. V. Kotreleva, A. V. Lavrova, G. V. Petrovoi, R. P. Khrulevoi; komm. A. V. Lavrova, G. V. Petrovoi.
15. Zurov L. F. «Zhelaui schast'ia i radosti...». Perepiska s rossiiskimi pisateliiami i uchenymi: 1957–1971 / Sost., vstup. stat'ia, podg. tekstov i komm. A. M. Liubomudrova. SPb., 2023.